

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 10-го Мая 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ № 9682.

ЖЕСТОКОЕ НРАВОУЧЕНЬЕ.

(Съ французского).

Когда молодая дѣвушка прошла мимо кафе, въ которомъ я расположился, я поднялся и пошелъ за ней.

Есть люди, созданные на такой манеръ, что съ первого ихъ появленія усиливается темпъ биенія вашего сердца и загорается кровь.

Это называютъ ударомъ грома.

Въ самомъ дѣлѣ, мой разумъ и мое благоразуміе были мигомъ уничтожены этимъ силуэтомъ, который вдругъ сдѣлался для меня наисущественнымъ въ жизни, отодвигая все на задній планъ.

Она была не одна. Какая то дама въ черномъ сопровождала ее.

Кто бы она была?.. Честная дѣвушка?.. Нѣтъ, вѣроятно... Противъ этого говорилъ ея нѣсколько крикливый нарядъ.

Профессионалка, выигрывающая своимъ видомъ неприкосновенной?... Кажется, нѣтъ... Невинная жертва, быть можетъ, которую эксплуатировала дама въ черномъ?.. Но почему, когда мужчины обращались на нее, она не обращала на нихъ никакого вниманія. Такъ кто-же? Онѣ остановились около какой то витрины. Я не осмѣлился заговорить съ ней. Когда онѣ пошли дальше, я послѣдовалъ за ними, не зная, къ чему это поведеть.

Вдругъ,—я не знаю, какъ это случилось,—онѣ вошли куда то незамѣтно для меня и скрылись изъ моихъ глазъ.

Я бѣгалъ, какъ сумасшедший, толкая и расталкивая прохожихъ, не обращая никакого вниманія на ихъ протесты, искалъ повсюду, заглядывалъ во всѣ магазины и кафе—нигдѣ.

Сознаніе, что я потерялъ слѣдъ этого прелестнаго созданія, что я прошелъ, кто знаетъ, быть можетъ, мимо своего счастья, не давало мнѣ ни на минуту успокоиться, и все остальное въ мірѣ казалось мнѣ какимъ то чернымъ и ненужнымъ.

Съ неописуемой радостью я снова увидѣлъ ихъ выходящими изъ какого то магазина, и на этотъ разъ твердо рѣшилъ, чего бы мнѣ это ни стоило, узнать что-либо о ней, и зорко слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, чтобы снова не потерпѣть постигшую меня неудачу.

Онѣ проходили улицу за улицей, и, такимъ образомъ, я нмѣлъ возможность хорошенько разглядѣть мою незнакомку, которая все больше и больше нравилась мнѣ и восхищала меня.

Наконецъ, онѣ остановились у какого то дома и позвонили у подъѣзда. Инстинктомъ я рѣшилъ, что здѣсь именно она и живетъ.

На слѣдующій день я снова былъ у этого дома. Я обратился къ женѣ швейцара, сначала съ вопросомъ,

нѣть ли у нея свободной квартиры, а затѣмъ, всунувъ монету въ руку этой рѣдко уродливой и отвратительной женщины, съ слѣдами порока на лицѣ, началъ ее разспрашивывать.

Какой радостью наполнилось мое сердце, когда она сразу узнала, по моему описанію, молодую дѣвушку. Да, да, она живетъ здѣсь со своей матерью, бывшей женой артиста, который трагически погибъ, оставивъ ихъ безъ всякихъ средствъ. Честная, безукоризненная въ своемъ поведеніи и кроткая, она безропотно переносить свою судьбу, и было бы очень кстати, если бы нашелся какой-нибудь покровитель, позаботившійся о нихъ.

Божественная женщина! Какъ я былъ ей благодаренъ за эти свѣдѣнія. Но въ виду того, что эти дамы очень скромны, продолжала она, не надо слишкомъ торопиться и дѣйствовать открыто.

Я не сомнѣвался, что она была права, и предупредилъ ее, что все отнынѣ, присыаемое мною, должно быть передано наверхъ анонимно, и что онѣ не должны знать ни слова о нашемъ разговорѣ.

Цвѣты смѣнялись конфектами, книгами, духами, драгоценностями, дорогими винами (моя дорогая незнакомка казалась мнѣ такой хрупкой). Я изощрялся въ этихъ таинственныхъ подношеніяхъ, какъ бы въ сказкѣ изъ „Тысячи и одной ночи“.

— Ахъ, сударь, говорила мнѣ же на консьержа, восхищаясь и изумляясь моей щедростью, знаете, какъ вѣсть тамъ называются?... Сказочный принцъ...

— Вы имъ еще ничего не говорили?...

— Не беспокойтесь. Вѣрьте мнѣ, надо выждать моментъ. Онъ не замедлитъ представиться. Но пока вы не показываетесь дальше вотъ этого порога, иначе вы все испортите.

И я безпрекословно повиновался этой отвратительной, но мудрой женщинѣ.

Однажды она мнѣ сказала:

— Мнѣ кажется, что эти дамы, которыя, можно сказать, совсѣмъ не веселятся, были бы очень рады пойти, напримѣръ, хотя бы на маскированный балъ. Теперь сезонъ — еслибы вы могли прислать имъ входные билеты... А?...

Я, нѣсколько изумленный, колебался. Потомъ я подумалъ, что подъ видомъ инкогнито мнѣ, можетъ быть, удастся, наконецъ, поговорить со своей незнакомкой...

— Отчего бы нѣтъ, отвѣтилъ я. Конечно, но, даже къ субботѣ. Въ субботу назначенъ подобный балъ.

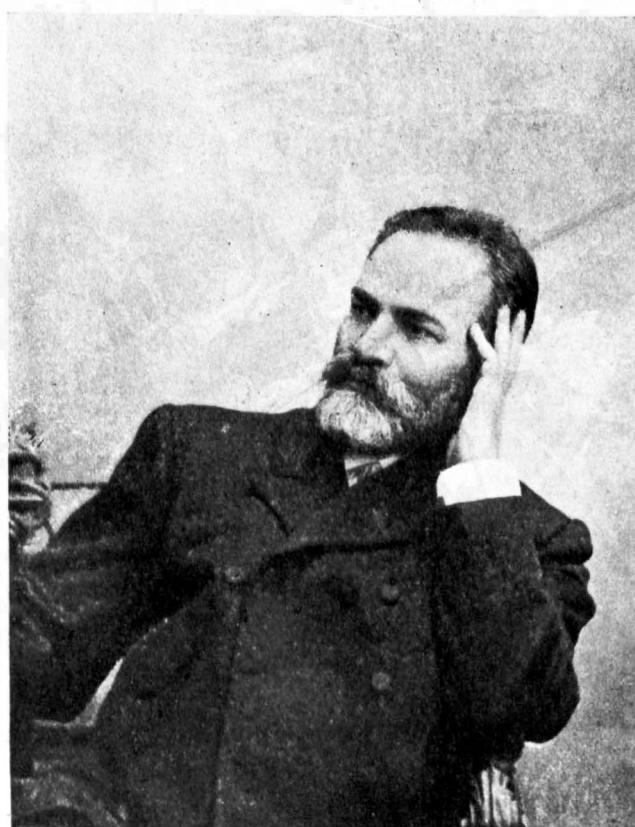
— Я увѣрена, что онѣ будутъ очень рады. Если бы вы могли еще прислать и подходящій костюмъ...

— Домино?..

В. М. Козловъ.

Предсѣдатель правленія харьковскаго Общества грамотности.
Скончался 1-го мая въ Самарѣ.

И. М. Колпакчи.

Приват-доцентъ Харьковскаго Университета.
Скончался 29 апрѣля с. г.

— Именно Домино для барышни. У барыни есть, я какъ то видѣла, когда убирала у нихъ. А у бѣдной барышни ничего...

На слѣдующій день входные билеты съ приложеніемъ интереснаго домино были посланы все такъ же анонимно по знакомому адресу. Само собой разумѣется, что я не старался побороть въ себѣ неопредолимое желаніе быть на балу, и около часу ночи я быль тамъ.

Друзья и знакомые окружили меня, заставляя меня пить и чокаться съ ними, и я долженъ быль ухитриться улизнуть отъ нихъ подъ предлогомъ условленнаго свиданія.

Въ этотъ вечеръ я чувствовалъ себя способнымъ на все. Я забылъ про мою расчитанную осторожность и мой планъ послѣдовательности. Пробиваясь сквозь толпу, опьяненный запахомъ духовъ, шуршанье платьевъ и раздающимися вокругъ поцѣлуями, я жадно искалъ ее, какъ безумный...

Наконецъ, я замѣтилъ посланное мною домино. Но гдѣ же другая? гдѣ мать? Бѣдная крошка очутилась одна въ циничной толпѣ, вѣроно, оттѣсненная ею. Я приблизился. Запахъ знакомыхъ мнѣ духовъ окончательно вскружилъ мнѣ голову; я больше не владѣлъ собой и загородилъ ей дорогу властнымъ движеньемъ.

Въ моемъ поведеніи было, вѣроятно, что то угрожающее, такъ какъ она всячески старалась убѣжать отъ меня. Но я схватилъ ее, я осязалъ въ своихъ рукахъ ея хрупкое, какъ я угадывалъ подъ складками домино, ея еще почти дѣтское тѣло. Я говорилъ комплименты, грубые, скотскіе, какъ полагается въ такихъ случаяхъ. Я себѣ больше не принадлежалъ.

Но она, молчаливая, пугливая въ своихъ движеньяхъ, старалась скрыться отъ меня, обороняясь своимъ единственнымъ орудіемъ, — орудіемъ невинности, которое настъ еще больше притягиваетъ.

Я хотѣлъ во что бы то ни стало ея поцѣловать и въ этой нѣмой и глухой борбѣ я нечаянно задѣлъ ее маску. Мaska упала.

О, ужасъ. Жена консьержа...

Я понялъ все. Ложь, все ложь. У нея въ домѣ не было никакой молодой дѣвушки. Она выдумала все, почувствовавъ во мнѣ сразу удобную почву для выгодной аферы. Ей не трудно было притвориться и узнать молодую дѣвушку по моимъ описаніямъ, она, вѣдь, только подтверждала все сказанное мною... Выдумала всѣ эти разсказы о необходимости тайны, которая нужна была ей одной... Она пользовалась моими подношеніями, ъла мои конфекты, пила мое вино, душилась моими духами и, вѣроятно, всего, нашла возможность удовлетворить свои отвратительные пороки здѣсь на балу...

Вся кровь бросилась мнѣ въ голову. Однімъ взмахомъ я сорвалъ съ нея домино. Она очутилась, среди изѣдающейся надъ ней толпы, неуклюжая и безобразная въ своемъ неглиже,

Три сына нового султана Мехмеда V.

Вилла Аллатини,
въ Салоникахъ, въ которой заключенъ низложенный
султанъ Абдуль-Гамидъ.

Герольдъ, возвѣщающій на улицахъ Гааги о рожде-
ніи наследной голландской принцессы Юліаны.

какъ общипанная курица. А я съ до-
мино въ рукахъ, прижавшись къ стѣнѣ,
задыхался отъ гнѣва и ужаса...

ПРИЯТНАЯ СТРАНА.

Переводъ съ французскаго.

Въ своемъ великолѣпномъ отель на Авеню Мичиганъ мистеръ Самуэль Джейферсонъ меланхолично раздумывалъ, удобно усѣвшись въ большомъ кожаномъ креслѣ и протянувши ноги на рѣшетку камина.

Очевидно, онъ былъ богатъ, даже очень богатъ. Его торговля солониной имѣла чрезвычайный успѣхъ; подъ его властью находились сотни фермеровъ и рабочихъ. Но его доллары сильно запоздали приходомъ. Молодость прошла въ изнурительной борбѣ, несчастная жена его Жанна умерла въ нищѣтѣ, оставивъ дюжину дѣтей, которыхъ онъ долженъ быль кое-какъ воспитать.

Его сыновья выпутались изъ бѣды самостоятельно, но дочери, Анна, Дебора и Маргарита, за неимѣніемъ достаточного приданаго, состарѣлись въ дѣвахъ, что дѣлало ихъ нравъ все сварливѣй и сварливѣй.

И теперь, хотя богатство пришло, хотя миссъ Джейферсонъ имѣли лучшіе экипажи и двумѣстныя электрическія кареты, хотя онъ одѣвались у лучшихъ портнихъ и шляпоницъ Парижа, хотя къ ихъ услугамъ быль цѣлый штабъ бѣлошвейкъ, камеристокъ, — настоящихъ рабовъ какъ черныхъ, такъ и бѣлыхъ, всегда готовыхъ исполнять всѣ ихъ прихоти,—все же безпрестанные споры царили въ прекрасномъ отель на Авеню Мичиганъ, и повседневная жизнь „отца семейства“ была не вѣсела.

— О, кто бы меня избавилъ отъ моихъ дочерей! вздохнулъ онъ вдругъ, пуская вверхъ клубы дыма своей огромной сигары въ золотомъ мундштуке.

Машинально взялъ онъ номеръ „New-York Herald“ и прочелъ на третьей страницѣ помѣщенное имъ объявление:

„Отецъ семьи, желающий выдать замужъ своихъ дочерей, предлагаетъ прекрасный выборъ и прекрасное приданое приличному молодому человѣкѣ, который согласится избрать между ними себѣ супругу, *законную, разумѣется*, и повести ее къ алтарю приходской церкви на Авеню, 326, дабы заключить союзъ, освященный преподобнымъ отцомъ Бригиттомъ. *Никакихъ недостатковъ и пороковъ. Подвѣнчаній уборъ молодыхъ дѣвушекъ гарантированъ контрактомъ.* Безъ агентовъ. Обращающаяся: Авеню Мичиганъ, № 724, гдѣ будуть даны всѣ необходимыя свѣдѣнія.

NB. Дѣвицъ можно видѣть между 2 и 5 часами пополудни, за исключениемъ воскресныхъ и праздничныхъ дней“.

Вотъ ужъ восемь дней, восемь долгихъ дней, какъ онъ рѣшился, ничего не говоря дочерямъ, на эту крайнюю мѣру, а это вульгарное и унизительное посредничество публикации, о позорѣ! Никто еще не явился! Неужели онъ долженъ вѣчно дер-

жать подлѣ себя Анну, Дебору и Маргариту, все болѣе и болѣе старѣющихъ, все болѣе угрюмыхъ и раздражительныхъ...

Онъ былъ весь во власти своихъ размыслений, когда негръ Джоэ вошелъ, неся на подносѣ карточку, на которой Джейферсонъ прочелъ:

Самуэль Спрингъ
адвокатъ.

— Адвокатъ! Просите. Негръ ввелъ маленькаго блондина, безъ усовъ, съ острой бородкой и увѣренной походкой. Поклонившись едва замѣтнымъ кивкомъ головы, онъ усѣлся въ кресло, предложенное хозяиномъ, потомъ протянувъ въ свою очередь ноги на рѣшетку камина и, зажегши сигару, началъ:

— Сударь, я прочелъ въ „New-York Herald“ помѣщенное вами объявление

Н. В. Гоголь и о. Матвѣй.
Картина Рѣпина.

Н. В. Гоголь въ Римѣ, среди русскихъ художниковъ.

— Этого и достаточно. Теперь приданое?

— Я даю ей 50 тысячъ долларовъ.

Адвокатъ сдѣлалъ гимасу.

— Это не такъ много.

— Но, продолжалъ отецъ, вы не забывайте: 26 лѣтъ, золотистый волось, весна...

— Та! Та! Та! Разкажите-ка лучше о второмъ номерѣ.

— Мой второй номеръ, сказалъ Джейферсонъ, немного смущившись, это Дебора. Если Маргарита весна, то Дебора лѣто во всемъ своемъ великолѣпіи, съ ея глазами, оттѣненными длинными рѣсницами, съ ея изсиня-черными пушистыми волосами и тяжелой косой. Ростомъ она въ пять футовъ; это прелестная женщина. Вѣсу въ ней 130 фунтовъ. Ёсть, какъ великанъ, и пить какъ сѣверо-американский охотникъ. Никакихъ пріятныхъ талантовъ не имѣеть. Есть люди предпочитающіе это...

— Но вы не сказали мнѣ о ея возрастѣ!

— Я вамъ его сказалъ, это лѣто. Ей 35 лѣтъ, и ей я даю 100 тысячъ долларовъ.

— Это уже лучше, но еще не достаточно привлекательно. Подождемъ资料的第三页

— О, мой третій номеръ, Анна, это осень, со всей ея томностью, съ ея скрытой страстью; прекрасный зрѣлый плодъ, вся суть которого въ томъ, чтобы быть сорваннымъ истиннымъ знатокомъ. Ростъ ея пять футовъ два дюйма, чудныя руки и плечи, особенный талантъ давать тонъ дому и готовить gin-cock-tail. Правда, въ ея волосахъ есть нѣсколько серебряныхъ

придай, но если это васъ огорчаетъ, этотъ легкій недостатокъ можно быстро уничтожить.

— Сколько ей лѣтъ? Не стѣсняйтесь, будьте откровенны.

— Я ничего не скрою отъ васъ. Ей исполнилось 40 лѣтъ на Пасху. Правда, это совсѣмъ немолодая девушка, Зато въ вознагражденіе, я увеличу приданое, какъ я и сдѣлала уже относительно Деборы, соразмѣрно ея годамъ. Итакъ, для этой, право, я раскошелюсь, и дамъ... слушайте же, любезнѣйшій, это стоитъ того... я дамъ 150 тысячъ долларовъ!

— Вы говорите 40 лѣтъ и 150 тысячъ долларовъ?

— Совершенно вѣрно. Минѣ кажется, это достаточно заманчиво.

Мистеръ Спрингъ соображалъ, пуская подъ потолокъ густые клубы дыма, которые расплывались голубоватыми колечками; вдругъ его осенила внезапная мысль.

— Скажите, сударь, можетъ быть, мы все таки говоримся относительно вашихъ дочерей. Нѣть ли у васъ, ну хотя бы лѣтъ въ 50... разумѣется, съ той же пропорціей?...

СМѢСЬ.

Страны съ наименьшей смертностью въ Европѣ.

Комиссія французскихъ врачей произвела интересныя наблюденія въ Швеціи и Норвегіи, которая оказывается самыми счастливыми странами въ Европѣ по наименьшему проценту смертности. Въ этихъ благополучныхъ странахъ въ 1906 году смертность понизилась: до 17 человѣкъ на 1,000 — въ Швеціи, до 14 человѣкъ на 1,000 взрослого населенія — въ Норвегіи. Процентъ дѣтской степени также сравнительно невысокъ, а именно: 82 на 1,000.

Докторъ Жуль Курмонъ, находившійся во главѣ этой научной комиссіи, передаетъ въ „Illustration“ свои наблюденія. Причины этого явленія, по его наблюденію, заключаются въ привычкахъ населенія къ чистотѣ и порядку. Населеніе пользуется больницами, хорошо устроеными банями. Кромѣ того, больницы преобразованы, и туда охотно ложатся какъ бѣдные, такъ и богатые. Въ домахъ чистота доведена до большого совершенства и во всѣхъ классахъ общества очень распространены заботы о гигиенѣ.

Но что болѣе всего поразило французскаго ученаго, такъ это безукоризненная дисциплина, съ которой шведы и норвежцы ведутъ борьбу съ распространениемъ болѣзней.

Всѣ вѣрять въ научныя и медицинскія открытия. Всѣ повинуются закону и, начиная съ городскихъ самоуправлений и кончая отдельными гражданами, удивительно дружно выступаютъ на борьбу съ эпидеміями. Случай заразной болѣзни — это дѣло общественное.

Возбудитель трахомы

Недавно открыть директоромъ университетской глазной клиники въ Берлинѣ профессоромъ R. Greefомъ, „возбудитель трахомы.“ Ему удалось, при помощи своихъ ассистентовъ, открыть въ эпителіальныхъ клѣткахъ, пораженныхъ трахомою глазъ, маленькія тѣльца, представляющія

собою нѣчто среднее между бактеріями и протозоями. Размеры этихъ тѣльца крайне незначительны. Доказательствомъ, что эти тѣльца дѣйствительно являются возбудителями трахомы, служить то, что перенесеніе ихъ на антропоморфныхъ обезьянъ влечетъ за собою заболѣванія послѣднихъ трахомою. Наблюденія профессо-

ра Greefa находятъ себѣ подтвержденіе въ аналогическихъ изслѣдованіяхъ д-ра Prowacek'a и д-ра Halberstader'a на Явѣ; здесь переносятъ тѣльца трахомы на обезьянъ далъ точно такие же результаты.

Харьковская трилогія.

I.

II.

III.

